

Постчеловеческая персонология. // Кто сегодня делает философию в России. Т. II. М.: Аграф, 2011, с.491-515.

Тульчинский Григорий Львович

Несколько неожиданно попытка автоинтервью, написать статью о самом себе оказалась весьма любопытным опытом самоузнавания. То, о чем ранее не задумывался, что казалось довольно случайным и необязательным – факты и обстоятельства, возникновение и развитие некоторых идей – предстало в несколько ином свете, выстроилось во вполне осмысленные сюжеты.

Сначала, наверное, надо представиться

Родился 03.08.1947 года в Ленинграде. Русский, женат, отец четверых детей, гражданин РФ, неизменно живу в Санкт-Петербурге. Профессор СПб Государственного Университета культуры и искусств, в котором работаю с 1979 года. Автор свыше 390 публикаций, в том числе – более 30 книг.

Как умудрился стать философом

Мой путь в философию и в философии не очень типичен. Неспроста в моей карточке профсоюзного учета в графе профессия записано: «техник-механик, философ». Школьного образования у меня всего 7 классов. В 1961 году поступил, а в 1965 году окончил Ленинградский техникум холодильной промышленности. И если бы мне кто сказал, что я буду поступать на философский факультет, а потом буду зарабатывать на жизнь, в основном лекциями, то я бы не то, что не поверил – обиделся бы. С детства я сильно заикался, и меня ни в школе, ни в техникуме к доске не вызывали.

Решающую роль, наверное, сыграло участие в техникумском студийном театре, который организовал живший тогда в Питере Е.Шифферс (недавно скончавшийся в Москве культовый религиозный мыслитель). Что наш театр был не простой, подтверждает и то, что в нем начинали свой путь в искусстве мои одногруппники А.Малкин – создатель и директор телестудии АТВ, М.Быков – ведущий питерского телевидения. Как бы то ни было, но участие в наших постановках пьес Е.Шварца и Б.Брехта, а потом занятия в Клубе

молодого журналиста при газете «Смена» сыграли свою роль: в 1968 году я поступил на вечернее отделение философского факультета ЛГУ. А поскольку с 16 лет зарабатывал себе на жизнь сам, и с 19 лет уже воспитывал детей, то заканчивал в 1974 году я уже заочное отделение (по логико-кибернетическому циклу). С 1965 по 1967 годы работал конструктором, в 1967-1971 – инженером-наладчиком, а потом – до 1979 года в «Ленокеанрыбфлоте» в отделе научной организации труда и заработной платы. Дипломная работа была посвящена проблеме существования в логике. В 1975 г. стал соискателем по кафедре логики ЛГУ, и в 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Логико-философский анализ семантики формализованных языков», а в 1987 г. – докторскую диссертацию на тему «Нормативно-ценностная природа осмысления действительности». С 1988 г. – профессор, с 1995 г. – Заслуженный деятель науки РФ. С 1994 года являюсь членом Международной Академии наук высшей школы (научный совет по проблемам гуманитарных наук, отделение философии), с 1996 года – Академии гуманитарных наук, с 1999 – Академии культуры бизнеса.

Круг интересов

И в этом плане я не очень типичный философ. За рубежом профессор-философ должен написать одну толстую книгу – плод длительных кабинетных раздумий, а потом много выступать, рассказывая содержание этой книги. Если же автор не ограничивается некоей одной темой, то это считается непрофессиональным и даже неприличным. У меня же получилось так, что, начав с логики и не бросая активные занятия ею (от публикаций до чтения курсов), я постоянно расширял круг своих интересов, который сейчас определяю как: философия культуры и личности, образование, логика и методология науки, социальный менеджмент и социальные корпоративные коммуникации. Причем, сказывается общая политизация моего сознания. Как ни сторонился политики, но в последнее время меня все больше выносит в сферу политической философии и политологии.

Чем реально занимаюсь (чем зарабатывают философы)

К моменту получения диплома я уже отчетливо понимал, что одними только логикой и философией я не смогу прокормить семью. Поэтому работаю я на кафедре менеджмента и экономики сферы культуры. С 1971 г. по совместительству преподаю в ряде учебных заведений, в системе переподготовки и повышения квалификации, коммерческих семинарах и школах Санкт-Петербурга и не только. Читаю лекции, провожу практикумы, деловые игры, участвую в семинарах и конференциях по технологии социально-культурного менеджмента и PR, философии культуры и личности, методологии науки в российских регионах и за рубежом (Белоруссия, Германия, Грузия, Испания, США, Украина, Финляндия, Эстония). Наиболее плодотворные зарубежные контакты: работа в Renvall Institute (1998-2003), в International School for Humanities (Santiago de Compostela, 1998).

Мне принадлежат первый и до сих пор единственный учебник по менеджменту в сфере культуры, который выдержал уже 3 издания, а также – одна из первых отечественных книг по PR, по которой разрабатывалось большинство курсов по связям с общественностью. Разработанная и реализованная мною программа курса «Менеджмент в сфере культуры» победила в конкурсе учебных программ для высшей школы РФ. Руководил исследовательскими и издательскими проектами по грантам РГНФ, OSI, фонда «Евразия», Министерства культуры РФ, Президиума РАН. Принимаю участие в разработке и реализации ряда региональных и международных программ и проектов в сфере культуры, образования, социальных коммуникаций. Систематически принимаю участие в экспертизах (в том числе - международных) различных проектов и программ, диссертационных исследований. Несколько лет являлся председателем Научного совета Комитета по культуре Правительства СПб, консультировал реорганизацию Комитета по культуре и туризму, создание Института культурных программ. Являюсь экспертом Экспертного института Российского Союза промышленников и предпринимателей. Заведующий-организатор Международной кафедры (ЮНЕСКО) по философии и этике науки СПб НЦ

РАН. Участвовал в организации издательских проектов, входя в редколлегии и редсоветы: «Логос. Чтения по философии культуры» (1990-1992), «Symposion. The Journal of Russian Thought» (USA, 1999), издательская серия «Тела мысли» (с 1999), «Философская и правовая мысль» (с 2002) «Человек.Ru. Гуманитарный альманах» (с 2004). Член СПб Союза ученых с самого его основания в 1990 г., нескольких советов по защитах докторских и кандидатских диссертаций.

Кого считаю своими учителями

Наверное, - всех людей, с которыми сводила жизнь. Но если говорить о профессиональной философии, то, конечно же, особую благодарность испытываю к преподавателям: И.Н.Бродскому, Э.Ф.Караваяеву, М.С.Козловой, Я.А.Слинину, Б.И.Федорову, И.Я.Чупахину. Этим людям я обязан даже не столько знаниями, сколько профессиональным самосознанием и самоопределением. Они наглядно демонстрировали примеры отношения к делу и коллегам, актуальным событиям и жизни в целом, никогда не отказывали в помощи – не только советом, но и практическим участием. Можно сказать, что решающую роль в моей философской судьбе сыграли два человека. Во-первых, Борис Иванович Федоров, буквально завербовавший меня на специализацию по логике и помогший мне – вечернику, а потом заочнику – получить читательский абонемент в библиотеке Академии наук. И – ныне директор Института философии Украинской Академии наук Мирослав Владимирович Попович – официальный оппонент моей кандидатской диссертации, который помог мне преодолеть цензорские барьеры с публикацией первой монографии, открывшей дорогу к докторской диссертации. Важнейшую роль играло и играет общение с друзьями-коллегами, иногда – соавторами: Т.В.Артемяевой, С.С.Гусевым, В.А.Карпуниным, Б.И.Липским, М.Н.Эпштейном.

Но это все жизненно-организационные сюжеты. Что же касается собственно философского концептуального роста, то тут решающую роль

сыграло чтение. Назову только то, что особенно цепляло и выстраивало душу. Из философской классики это Платон, Кант, Спиноза, потрясшие меня Паскаль, М.Бахтин, С.Киркегор, Дхаммапада, Дао-дэдзин. Потом уже на этот фон легли П.Я.Чаадаев и П.А.Флоренский, В.Б.Шкловский и В.В.Розанов, М.Бубер и М.Хайдеггер, Ф.Ницше и Н.Бахтин. Очень многим обязан поэзии Тютчева, потом – А.Тарковского, Н.Рубцова, прозе Достоевского, А.Платонова, позже – Ч.Амирэджиби, В.Маканина.

Какие публикации считаю наиболее важными

Книга, написанная в 1985 году со С.С.Гусевым **«Проблема понимания в философии»** оказалась не только первой отечественной книгой по вскоре ставшей остро актуальной проблеме понимания, но и вызвала живейший интерес, была переведена на иностранные языки и опубликована в ряде стран – от Чехии и Венгрии до Аргентины. Монография 1986 года **«Проблема осмысления действительности»** была написана под докторскую диссертацию и была испорчена несколькими этапами цензурско-редакторского вмешательства. Однако, эта книга важна мне тем, что в ней мне удалось выразить основной комплекс идей, связанных со смыслом, пониманием, этапами и формами смыслообразования.

Потом настала пора книг написанных не для чего-то, а потому что они не могли быть не написаны. Это **«Разум, воля, успех. О философии поступка»** (Л.,1990)¹ - книга, с одной стороны, отдавшая дань метафизике нравственности М.М.Бахтина, а с другой – открывшая горизонт философии поступка как синтеза рациональности, семантики практических рассуждений, мотивации на основе персонологии свободы и ответственности. И особенно – учинившая целый переполох у философского официоза книга **«Самозванство. От феноменологии зла к метафизике свободы»** (СПб, 1996) – текст очень искренний, если не выстраданный личным опытом. Хотя мне наиболее близка небольшая, фактически – брошюра **«Испытание**

¹ Ей предшествовала совместная с одним из инициаторов логического движения в нашей стране И.С.Ладенко «Логика целевого управления» (Новосибирск, 1988), объединившая ряд идей логики и теории управления.

именем, или Свобода и самозванство», изданная в серии «Петербургское соло», в которой публиковались только-только подготовленные тексты современных питерских писателей, поэтов, драматургов. Так что я оказался в одной серии с А.Володиным, В.Кривулиным, А.Кушнером... В этой книге удалось собрать философскую публицистику начала 1990-х, публиковавшуюся в различных периодических изданиях.

Большая монография *«Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы»* вышла в 2001 году в США на русском языке. В ней сведены воедино несколько больших тем: смыслообразование, культура, свобода, личность и российский духовный опыт. Поскольку эта книга практически недоступна отечественным читателям, я воспользовался ее материалом, дополнил и расширил его на еще больший круг проблем, итогом чего стала монография *«Постчеловеческая персонология. Новые горизонты рациональности и свободы»*. Дополнением к ней (прежде всего – в плане выявления природы свободы и ее воплощения в артефакты культуры) стала книга *«Тело свободы»*.

Особняком стоят публикации по менеджменту и PR. Помимо упоминавшихся учебников, были и другие книги по социальному менеджменту и коммуникациям. Из вышедших только в последний год отмечу *«Российский бизнес: проблема признания и уважения»*, *«Культура фирмы»* (в соавторстве с С.В.Перминовой), *«Бренд-интегрированный менеджмент»* (в соавторстве с В.И.Терентьевой). Первая, практически – политологический трактат о ситуации в современной России. Во второй впервые систематизированы модели корпоративной культуры, организационной культуры, фирменного стиля и т.д. В третьей делается первый шаг к интеграции технологий современного менеджмента, включая работу с персоналом, на основе бренда. Книга *«Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность»* (в соавторстве с А.Ф.Векслер) была номинирована на национальные премии «PRоба» и «Серебряный лучник», а ее второе переработанное издание вошло в шорт-лист лучших книг Московской

международной книжной ярмарки 2006 года по разделу деловой литературы. И моя особая любовь к серии брошюр *«PR - культура деловых коммуникаций: Как это делать в России»*, которые писались для того, чтобы обеспечить студентов доступными материалами по современным технологиям социальных коммуникаций. Все эти сугубо практические по своему содержанию работы, тем не менее, не смогли бы появиться без ряда ключевых идей, сформулированных в философских публикациях.

Какие свои идеи считаю наиболее важными

Всегда был философом внесистемным. Во-первых, не мог преподавать философию в советское время. Беспартийный, с непростой фамилией и отчеством я не мог работать на философском факультете. В лучшем случае, мог надеяться оказаться на кафедре философии в техническом вузе, что означало унижительное и разрушительное интеллектуальное протитуирование: либо диалектический материализм с его противоречиями и слововерчением (для логика!), либо истмат или научный коммунизм с их подкладыванием под очередные выверты «генеральной линии партии». На кафедре управления учреждениями культуры я оказался и по этой причине.

Во-вторых, когда в отечественной, да и зарубежной, философии доминировал рационализм позитивистского плана, меня интересовали культуральные и персонологические детерминации познания и формирования эпистемических структур, герменевтика понимания и интерпретации, что вызывало нарекания многих уважаемых коллег. Зато потом, когда философским мейнстримом стал постструктурализм с его необязательной стилистикой необязательного философствования, я оказался его одним из наиболее жестких критиков.² Судьба скорее не маканинского «отставшего», а забегающего вперед.

Являюсь одним из инициаторов введения в отечественный философский дискурс проблем понимания, осмысления действительности, семантического обоснования практических рассуждений, философии

² См., например, Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невменяемости к метафизике свободы. // Вопросы философии. 1999, № 10, с.35-53.

поступка и метафизики самозванства, постчеловеческой персонологии, ценностно-смыслового анализа российско-советского духовного опыта, соотношения рациональности и эффективности, особенностей современного философствования и др.

Если следовать хронологии развития моих интересов в философии, то все началось с проблемы происхождения ... нефти. Я хотел стать географом или геологом, даже поступил на заочное отделение геофака и довольно серьезно озадачился: нефть возникла от простого к сложному (неорганическая гипотеза) или от сложного к простому (органическая гипотеза). Кончилось тем, что я пошел на философский, и при собеседовании говорил, что собираюсь специализироваться на философских проблемах естествознания.

Логика, логическая семантика

Однако уже на втором курсе выбор был сделан в пользу логики, а диплом и кандидатская диссертация были посвящены экзистенциальным (онтологическим) допущениям рассуждений, в конечном счете – соотношению существования и истины. В этом плане мне удалось нащупать переход от традиционного логико-семантического различия языков различного уровня к динамике предметных областей знания.³

Интерес к проблеме выражения существования и его роли в логике привел меня к силлогистике Льюиса Кэрролла. В результате я не только первым ввел логику Льюиса Кэрролла в отечественный логический дискурс, вызвав к ней серьезный интерес и показав, что силлогистика Кэрролла – как общая логика существования – позволяет систематизировать на своей основе другие известные силлогистики Аристотеля, Лейбница, Гильберта и Лукасевича за счет выявленных и доказанных мною ограничений. Более того,

³ См. например, Логическая формализация и объекты познания // Научно-техническая революция и философская наука. Л., 1977; Логико-семантические основания классификации // Типы в культуре. Л., 1979, с.22-29; Теоретико-игровая интерпретация эвристических познавательных процедур // Методология и практика применения имитационных игр. Новосибирск, 1983, с.67-70; Научная проблема с точки зрения интеррогативной и эпистемической логики. // Логика, познание, отражение. Свердловск, 1984, с.11-22; «Новые» теории истины и «наивная» семантика. (Об «альтернативных» теориях истины в современной логической семантике). // Вопросы философии. М., 1986, № 3, с.27-32.

мне удалось доказать гипотезу Лукасевича о единственной полной аксиоме аристотелевской логики. Как оказалось, эта аксиома содержит в себе все кэрроловские правила отбрасывания.⁴

Параллельно развивался мой интерес к теории и практике аргументации как доказательного убеждающего воздействия.⁵ Довольно быстро я вышел за рамки традиционной теории доказательства к систематизации прагматических приемов вплоть до «механических аргументов», среди которых мною был выделен и исследован *argumentum ad mortem* (аргумент к смерти) - тип аргументации, явно или неявно апеллирующий к пределу человеческого существования, риторический прием, способный повысить степень убедительности просьбы, пожелания и т.п., а то и заблокировать саму возможность коммуникации.⁶

Анализ семантики практических рассуждений (оценочных, нормативных, императивных) привел меня к выводу, что истинность является лишь одной из семантических оценок. Помимо нее возможно соотнесение утверждения с другими ценностными рядами (добро, красота, необходимость, возможность, реализуемость...), что дает резкое расширение применения семантического аппарата и аппарата модальной логики.⁷

Следующим шагом в этом направлении стал логико-семантический анализ содержания идеи сущности и существенного признака. С моей точки зрения существенность определяется ценностным, деятельностно-практическим контекстом, который может быть раскрыт в «стереометрическом» соотнесении описания реальности (истинное знание) с

⁴ См.: О логическом учении Льюиса Кэрролла // Философские науки. М., 1979, №2, с.97-103; Аристотель=Льюис Кэрролл-(Лейбниц+Гильберт+Лукасевич) или Отрицательные термины и экзистенциальность силлогистики // Философская и социологическая мысль. 1996. № 1-2; Льюис Кэрролл: нонсенс как предпосылка истины // Россия и Британия в эпоху Просвещения. Опыт философской и культурной компаративистики. Часть 1. СПб, 2002, с. 130-150.

⁵ Например, см.: Аргументация. Философия. Культура // Философские проблемы аргументации. Ереван, 1984, с. 28-30; Культура деловой аргументации. СПб, 2001.

⁶ Механический аргумент // Философская и социологическая мысль. 1992. № 1, с.108-112; *Argumentum ad mortem* // Вестник СПб ун-та-95. Сер.6. Вып.1. СПб. 1995. с.10-14.

⁷ Теоретико-познавательный статус и логическое содержание программно-целевого метода // Программно-целевой метод: проблемы развития и освоения. Часть 1. Свердловск, 1983, с.35-37; Логика целевого управления. (Логико-семантическое содержание программно-целевого подхода). // Рациональность, рассуждение, коммуникация. Киев, 1987, с.100-110; Логика и действие: практичны ли практические рассуждения. // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия. Киев, 1990, с.8-19.

описаниями должного (знание необходимого) и возможного (знание реализуемого). Итогом этого анализа стала концепция «стереометрической» семантики, частью которой является традиционная логическая семантика.⁸ В рамках этого подхода развитие знания предстает как систематическое соотнесение индивидуальных (в терминологии Аристотеля – «первых») и общих («вторых») сущностей, как систематическое отождествление нетождественного, как метафора, «зашнуровывающая» неизвестное с помощью уже известного.⁹

Одновременный интерес к логике и ее практическим применениям проявился и в попытке прояснения парадоксальности отечественной логической культуры советского времени,¹⁰ когда бурная научная активность сочеталась с практическим отсутствием профессиональной периодики и серьезных научных результатов мирового значения. По моему мнению, советская логика – порождение скорее социально-политических факторов, чем собственно востребованного научного поиска, яркий пример самоорганизации свободомыслия, выстраивания неангажированной среды научного обитания. Не случайно логическое сообщество дало наиболее ярких представителей диссидентства. Развитие и обобщение этих выводов и наблюдений привели меня к пониманию фундаментальной цивилизационной роли логики.¹¹ С античности до нашего времени развитие логики и ее

⁸ См.: Логико-философский анализ способов познания сущности // *Философська думка*. К., 1983. № 5, с.75-82; Логико-семантические основания синтеза описаний, оценок и норм. // *Логика и теория познания*. Л., 1990, с.128-140; Сущность и существенность: логико-семантическое содержание проблемы // *Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке*. Часть II. СПб, 1994, с.82-84; О существенном // *Мысль*. Ежегодник Петербургской Ассоциации философов. № 1. Философия в преддверии XX столетия. СПб, 1997, с.114-138; Стереометрическая семантика логико-семантический синтез истинного, должного и реализуемого // *Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке*. СПб, 1998, с.371-373; Сущность и существенность. Философско-логический анализ // *Логико-философские штудии*. СПб, 2000, с.31-59; Содержание понятия, существенность признаков и два типа необходимости. // *Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке*. СПб, 2006, с.99-100.

⁹ Кроме приведенных выше работ см. также Тульчинский Г.Л. Развитие знания: зашнуровывающая метафора и модели // *Философия и методология науки*. СПб. 1995. с.72-75.

¹⁰ Логика в советском обществе: факторы развития. // *Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке*. Часть II. Л., 1990, с.62-64; *Logical Culture and Freedom: Logic Soviet and Post-Soviet Society // Symposium. A Journal of Russian Thought*. 1998, vol.3, p. 79-93.

¹¹ Тульчинский Г.Л. Цивилизационная роль логики. // *Проблемы преподавания логики и дисциплин логического цикла*. Киев, 2004, с. 111-112; Логика, рациональность и свобода // *Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке*. СПб, 2004, 126-129; Бэконовско-миллевская индукция, или Лысое англофильство в российской политической истории XX века // *Управление: интеллект и субъективность*. СПб, 2002, с.40-43.

востребованность предполагают несколько условий: «собственность», «рынок» (наличие собственности и возможность обмена ею), правовую культуру и демократию (возможность публичного выражения отстаивания своих интересов), открытость общества (возможность публичных контактов носителей разных культур и мировоззрений). Поэтому логика не только лежит в основе научной рациональности, но и играет ключевую роль в формировании идей либерализма, культуры толерантности и ненасилия.¹² В последнее время мои публикации по логике связаны больше с проблемами логического образования, преподавания логических дисциплин.¹³

Деятельностно-практическое рассмотрение семантических проблем дало два корешка: к культуре как нормативно-ценностному генератору осмысления и смыслообразования, и к личности, персонологии.

Смысл, осмысление, понимание

Ключевой для меня проблемой философии является проблема смысла, осмысления и смыслообразования. Собственно этой проблеме и посвящены мои упоминавшиеся основные публикации.¹⁴

Основной формой осмысления является идея как синтез знания реальности (истины), ценности или цели (оценки) и программы ее реализации (нормы). Этот синтез может быть отрефлектирован (в научных формах знания), но может быть и синкретичным (обыденное сознание и опыт). Этот взгляд получил развитие в концепциях «стереометрической» семантики, «инорациональности» как меры и содержания свободы и ответственности.

¹² Логика, толерантность и насилие // Логика толерантности и права. Екатеринбург, 2002, с.18-24; Логика и ненасилие // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. СПб, 2002, с.188-190.

¹³ Культура, образование и логика // Новые стратегии гуманитарного образования в меняющемся мире. СПб . 1995. с.22-24; //Современная культура и изменения в содержании образования. Вып.3. Новосибирск. 1995. с.4-5; Перспективы логики в гуманитарном образовании // Современная логика: Проблемы теории, истории и приложения в науке. СПб, 2000, с.130-131.

¹⁴ В первую очередь, Проблема понимания в философии. Философско-гносеологический анализ. М., 1985; Проблема осмысления действительности. Логико-философский анализ. Л., 1986; Основы теории познания. СПб, 2000, с.192-274; Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. (Российские исследования в гуманитарных науках. Том 16). Lewiston-Queenston-Lampeter. 2001; Смысл и гуманитарное знание. // Проблема смысла в науках о человеке. М., 2005, с. 7-26.

Осмысление и смыслообразование имеют деятельностно-практическую природу и определяются ценностно-целевым контекстом соответствующих видов социально-культурной деятельности. На основе обобщения Г. Фреге, Б. Паскаля, Ф. де Соссюра, В. Гумбольдта, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, А.Н. Леонтьева, был экстрактирован инвариант содержания смысловой структуры социального опыта.¹⁵ Исходным является различие в любом артефакте культуры, рассматриваемом как знак, двух сторон: означаемого (содержания той деятельности, того опыта, с которым связан и к которому отсылает данный знак) и означающего (собственно материальной формы знака, с помощью которой он выполняет свою знаковую функцию). В структуре означаемого, в свою очередь, можно вычленить два основных компонента: во-первых, социальное значение - собственно социально-культурную программу, некий культурный инвариант, и во-вторых, личностный смысл, значение этого социального значения для конкретной личности. В свою очередь, в социальном значении можно вычленить также два аспекта: предметное значение - предметное содержание опыта, и функциональное социальное значение - содержание определенной программы деятельности с этими предметами. В логике этому различению соответствует различие объема и содержания понятия. В общем случае, предметное социальное значение может быть собственным, отсылать к материальной форме знака (например, стол имеет самого себя в качестве предметного значения), и несобственным (например, слово «стол»). Языковые знаки в своем обычном употреблении имеют несобственные предметные значения. В личностном смысле также можно вычленить два аспекта: оценочное отношение личности к данному значению и переживание этого отношения, непосредственный опыт ощущений и восприятий.

¹⁵ Помимо указанных ранее обобщающих работ см.: О междисциплинарном подходе к проблеме смысла // Комплексный подход к научному поиску. Часть I. Свердловск, 1979, с.125-128; О знаковой детерминации социальной деятельности // Актуальные проблемы детерминации. Тбилиси, 1980, с.106-110; Содержание общения и уровни понимания // Философско-методологические проблемы общения. Фрунзе, 1982, с.54-62; Герменевтика и естествознание // Математика, естествознание и культура. М., 1983, с.12-43; В каком смысле возможна теория смысла. // Философские основания научной теории. Новосибирск, 1985, с.108-127; Интерпретация и смысл. // Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. Новосибирск, 1986, с.33-48.

Прохождение этого ряда от материальной формы знака к переживанию демонстрирует процесс усвоения социального опыта, его субъективацию (распредмечивание, понимание). Встречное прохождение же этого ряда — объективацию (опредмечивание, воплощение) опыта. Компоненты смысловой структуры предстают также уровнями осмысления: идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием).

Центральную роль в смысловой структуре и в осмыслении играет функциональное социальное значение, которое задается соответствующими видами нормативно-ценностных систем культуры (непосредственной практики, морали, религии, искусства, науки, политики). Собственно, сама по себе любая культура как система порождения, хранения и трансляции социального опыта является «механизмом осмысления» и представляет собой систему нормативно-ценностных систем (НЦС).¹⁶ Мною было выработано определение НЦС, рассмотрены их основные виды.¹⁷ В НЦС сопрягаются функционально-деятельностные, гносеологические (эпистемологические) и социальные (организационные и личностные) факторы формирования и развития осмысленного знания. Поэтому использование понятия НЦС решает задачу поиска таких познавательных ориентаций, которые позволили бы рациональному познанию выступить формой деятельности, эффективной и в аспекте общения. Если рациональность понимать механизм социальной детерминации познания, представляющего собой устойчивую систему правил, норм и эталонов, принятых конкретным социумом для достижения социально-значимых целей, то эта трактовка также выражается в идее НЦС, каждая из которых задает свой канон осмысления. Специфической НЦС является язык,

¹⁶ Проблема понимания в философии. М., 1985; Проблема осмысления действительности. Л., 1986; Свобода и смысл. Lampeter, 2001; Метаязык культуры и проектное мышление. // Системные исследования культуры. 2005. СПб, 2006. с.280-285.

¹⁷ См. также: Опыт сравнения производства духовных ценностей в науке и искусстве: две стратегии осмысления действительности // Духовное производство и личность. Л., 1981, с.24-35; Нормативно-ценностный подход к проблеме понимания // Понимание как логико-гносеологическая проблема. К., 1982, с.150-170; Наука и культура толерантности // Философская и правовая мысль. Вып.3., 2002, с.105-113.

реализующийся в целях обслуживания других НЦС, в том числе и самого себя.

Социальная организация НЦС может быть жестко формализованной (закрепленной функциями, правами и обязанностями, инструкциями, отношениями координации и субординации, средствами контроля и стимулирования) и неформальной (основанной на межличностных взаимоотношениях). В этом плане динамика осмысления предстает поэтапным переходом от идеи через нерегулярную общность (типа "тусовки") ко все более упорядоченной институционализации – вплоть до социальных институтов, являющихся наиболее развитой формой организации НЦС.¹⁸ НЦС определяют назначение и «сделанность» артефактов культуры, обретающих смысл как программу социально-культурной деятельности с ними.

В динамике осмысления можно выделить три этапа: сепарацию (выделение предмета из некоей целостности), перенос его в новый контекст (трансфер, лиминальность) и реакгрегацию (воссоздание новой смысловой целостности). Первые два этапа выражают «негативный» (разрушающий, отрицающий), а третий - «позитивный» (созидающий, конструктивный) аспекты осмысления. Перенос осмысляемого в иной контекст осмысления, рассмотрение его в несобственной НЦС, расшатывание привычных представлений и деструкция старой смысловой структуры (удивление Платона, остранение В.Шкловского, лиминальность В.Гернера, деконструкция Ж.Дерриды) дополняются построением нового смыслового ряда из остраненных смыслов (монтаж, реакгрегация), формированием новой системы знания. Остранение не может быть самоцелью. В таком качестве оно выступает, пожалуй, только в нонсенсе и абсурде, где становится не средством, а содержанием, предметом творчества. Но даже в творческом нонсенсе оно, тем не менее, предполагает конструктивную деятельность

¹⁸ Помимо монографий см.: Логико-семантическая природа идеи. // Логика научного познания. М., 1986, с.60-62; Идея как нормативно-ценностный синтез знаний // Философская и социологическая мысль. 1989, № 4, с.40-47; Идеи: источники, динамика и логическое содержание // История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. СПб, 2001, с.28-58.

сознания по выстраиванию новых смысловых конструкций. С этой точки зрения всякое осмысление есть переосмысление.¹⁹

Структура смыслового содержания социального опыта, динамика осмысления и смыслообразования показывают принципиальную роль личностного сознания, выступающего источником, средством и результатом осмысления, в том числе – трансцендирования в иное. Поэтому традиционный семиотический анализ (семантика, синтаксис и прагматика) должен подкрепляться персонологическим вектором (измерением). В этом плане традиционная семиотика (восходящая к американскому прагматизму) и семиология (восходящая к французскому структурализму) может быть дополнена «глубокой семиотикой» (deep semiotics),²⁰ развивающей ряд идей В.Гумбольдта, М.М.Бахтина, Л.С.Выготского, П.А.Флоренского, Г.Г.Шпета. Предложенная мною концепция «глубокой семиотики» дополнила упоминавшуюся концепцию «стереометрической семантики», еще более расширяя перспективы междисциплинарного синтеза на персонологической основе, дополняя его измерениями свободы и ответственности. Смысл – суть сугубо человеческое измерение бытия. Человек, как существо конечное во времени и пространстве постигает мир всегда с какой-то позиции, точки зрения, в каком-то смысле. Человек не может жить в бессмысленном мире – это лишает его оправданности существования.

¹⁹ Помимо основных работ см. также: К упорядочению междисциплинарной терминологии: генезис и развитие понятия остранения // Психология процессов художественного творчества. Л., 1980, с.241-245. (переведена на венгерский в 1985г.); Порождение новой информации в интеллектуальных системах. // Интеллектуальные системы и имитация. Новосибирск, 1985, с.52-53; Динамика понимания и семиотический анализ культуры. // Диалектика познания и активность сознания. Иваново, 1985, с.69-79; Интеллектуальные системы: источники нового знания и осмысления информации. // Методология семиотического моделирования. Новосибирск, 1987, с.14-21.

²⁰ См. также: Дважды «отставший» М.Бахтин: поступочность и инорациональность бытия // М.М.Бахтин и философская культура XX века. Проблемы бахтиологии. Вып. I. СПб, 1991, с.54-55; Прочитан ли Шпет? // Русская философия: преемственность и роль в современном мире. Часть I. СПб, 1992, с.73-76; Инорациональность текста: Слово как поступок. // Язык и текст: онтология и рефлексия. Материалы I Междунар. Философско-культурологич. чтений. СПб, 1992, с.128-141; Текст как интонированное бытие или Инорациональность семиотики // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995, с.44-52; Метафизика свободы, истина и самосознание // Первый российский философский конгресс. Т. VI. Философия культуры. – СПб, 1997, с.357-359; Личностный фактор в формировании и динамике научного знания // Философия гуманитарного знания. СПб, 1997, с.10-11; Глубокая семиотика и постчеловеческая персонология: новый сдвиг гуманитарной парадигмы. // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов: Международный ежегодник. Вып. XVII. СПб, 2002, с.6-13.

Метафизика, персонология, способы философствования, сдвиг гуманитарной парадигмы

Поэтому со второй половины 1980-х я вышел на широкое поле метафизики нравственности.

Упоминавшийся интерес к «практическим рассуждениям» очень быстро перешел к философии поступка,²¹ как действия вменяемого – в обоих русских смыслах этого слова: как действия, имеющего рациональную мотивацию, и как действия, ответственность за которое может быть вменено. В этом плане решающее влияние на меня оказала ранняя работа М.М.Бахтина «К философии поступка», в которой он развил представление об «участном мышлении», бытии как со-бытии и принципиальном «не-алиби» человека в бытии. В поступке действие предстает в единстве с его мотивацией, а бытие раскрывается как бытие мотивированное, «интонированное».

В этом плане раскрывается не только единство свободы и ответственности, но и первичность ответственности по отношению к свободе, сознанию и самосознанию. Более того. Идея первичности ответственности по отношению к свободе была развита в концепции свободы как эпифеномена культуры, результата социальной дрессуры (прежде всего – воспитания), когда личность вырывается из сети объективных причинно следственных связей, а сами эти связи замыкаются на личность, становящуюся причиной неких объективных процессов. Например, это не чашка упала, ребенок ее уронил (мог не уронить, но уронил). Так культура и «другие грузят нас ответственностью = свободой = сознанием = самосознанием.²² На этой основе была развита идея онтофании свободы – воплощения смысла в телесные формы.²³

²¹ Разум, воля, успех. О философии поступка. Л., 1990; Категорический императив и практическая нравственность. //Гуманитарно-экономический вестник. Минск, 1998. № 1, с. 59-65.

²² О природе свободы. // Вопросы философии. 2006, № 4.

²³ См. Тело свободы. СПб, 2006. А также: Воображение как онтофания свободы // Рациональность и вымысел. СПб, 2003, с. 8-21; Вещь и тело как онтофания свободы. // Время/время артефактов (Социальная аналитика непоправимости). СПб, 2004, с.44-70.

Сознание и разум оказываются вторичны по отношению к изначальной ответственности, выступают мерой ее содержания и глубины. Чем более интеллектуально и нравственно развита личность, тем глубже она познает меру своей свободы и ответственности. На этой основе мною были развиты представления о различении свободы и воли, структуре и механизме мотивации,²⁴ роли и видах успеха,²⁵ социальных эмоциях (стыде, чести, гордости, смехе). Смех, например, предстал феноменом торжествующей эмоцией, радостью понимания несостоятельности отклонения от желаемого должного, очень точным выражением идентичности, культуры личности, и на этой основе – эффективным средством самозащиты и воспитания.²⁶

Более того, в философии поступка открылись перспективы как уточнения, так и обобщения идеи рациональности. Прежде всего, связать рациональность с эффективностью деятельности, раскрываемой в трех планах: (1) как результативность (соответствие результата преследовавшимся целям, соответствие реально полученного желаемому должному); (2) как экономичность (соответствие результата затратам ресурсов); (3) как целесообразность (соответствие поставленных целей реальным проблемам и потребностям).²⁷ Уточненное таким образом содержание идеи рациональности предстает выражением идеи эффективной деятельности, восходящей к античному «техне» как искусного мастерства. «Техничная» рациональность с точки зрения философии поступка нуждается в дополнении рациональностью «космичной» (от античного «космос» как гармоничная

²⁴ См. Разум, воля успех, а также Поддержание мотивации //Персонал-микс. 2001. № 1(2), с.48-51; Расширение личностного потенциала: теория, гипотезы, эксперимент // Науки о человеке в современном мире. Часть 1. СПб, 2002, с.158-164.

²⁵ См. также: Успех: модусы бытия и свободы // Этика успеха. 1994. No. 2. с.16-17; Успех и эффективность. //Ведомости. Вып.6. Российская модель успеха. Тюмень, 1996, с.35-39; Успех как мотивация //Персонал-микс. Январь 2001, с.62-64.

²⁶ Разум, воля, успех, а также см. О некоторых нормативно-ценностных механизмах культуры: социокультурная природа и факторы смешного. //Методология и методы исследования культуры. Л., 1984, с.72-78.

²⁷ Рациональность и эффективность поведения. // Рациональность и семиотика поведения. Киев, 1988, с.3-4; Логика целевого управления; Рациональность, эффективность, ответственность // Рациональность и проблемы познания. СПб. 1995. с.10-11; Рациональность повседневности // Научная рациональность и структуры повседневности. СПб, 1999, с.20-21.

целостность мира).²⁸ «Космичная» рациональность как выражение гармонической целостности мира (дао-истины как дао-пути) не исключает «техническую», а предполагает ее как меру и содержание ответственности за поддержание целостной гармонии.

Что такое гуманитарность сегодня? Какова система ее ориентиров? Что определяет ее содержание, направленность? Проблема усугубляется спецификой гуманитарного знания. Насколько вообще совместимы понятия гуманитарности и знания? Неспроста ведь в английском отсутствует понятие «гуманитарные науки». Вместо него используется понятие humanities - широкая сфера проявлений человеческого духовного опыта. Результатам этой деятельности характерны уникальность, неповторимо личностный характер, оценочность, эмоциональная окрашенность. В этом случае можно говорить не столько о знании и познании, сколько о смыслопорождении и осмыслении (понимании).

Ситуацию, на первый взгляд, обостряет и усугубляет опыт постмодернизма: критика логоцентризма обернулась логомахией, самодостаточностью отсылающих друг к другу означающих без означаемого, неменяемости мысли, ее выражения и реализации. Выявился своеобразный шок гуманитарной интеллигенции перед новой цивилизацией, требующей соответствующих изменений в духовном опыте, мировоззрении, метафизике, нравственности, художественной, научной, политической практике. Стали ясными как переходный характер постмодерна, осознание необходимости нового сдвига гуманитарной парадигмы. Такой сдвиг должен не отрицать, а обобщать опыт постмодерна, быть по-настоящему междисциплинарным, давать осмысление нового цивилизационного опыта, его оснований и перспектив; делать акцент не столько на структурности, сколько на динамике порождения новых смыслов. И в этой связи – опираться на принципиальный

²⁸ Разум, воля успех; Свобода и смысл. Также см.: Рациональность в науке и культуре // Философская и социологическая мысль. 1990. № 4, с.146-148; Два типа рациональности // Космизм и новое мышление на Западе и Востоке. СПб, 1999, с.57-67; Гендер и рациональность. // Онтология возможных миров в контекстах классической и неклассической рациональности. СПб, 2001, с. 21-24; Рациональность: насилие или жизненная компетентность? // Рациональность и свобода. СПб, 2005, с.10-15; // Человек.RU. № 2. Институционализация антропологии. Новосибирск, 2006, с.90-118.

учет роли и значения личности – главного, если не единственного источника этой динамики.²⁹

В этом плане показательна главная тенденция философствования последних двух столетий: от онтологии к гносеологии и далее через аксиологию и культурологию к персонологии. Философия на пороге нового столетия и тысячелетия раскрывается преимущественно как персонология, вбирающая в себя как философскую антропологию и культурологию, так и традиционную метафизику.³⁰

Более того, как было показано в ряде работ, в настоящее время вызревают представления о постчеловеческой персонологии³¹ - одном из главных компонентов нового сдвига гуманитарной парадигмы, выражение опыта постчеловечности. Если границы личности совпадают с границами ее свободы и ответственности, то опыт современной цивилизации придал этим границам весьма интенсивную подвижность и неоднозначность. Они уже не совпадают с границами кожно-волосного покрова тела и психосоматической целостностью личности. В наши дни тело предстает уже подобием костюма, который можно менять и выбирать по желанию, как предмет игры - спорта, искусства, моды. Человек, тем более - современный, всегда больше суммы своих качеств и свойств. Этот «человек без свойств» и есть главное - открытость бытия свободе, трансцендентному плану. Речь идет, фактически, о проблеме преодоления платонистского дуализма, свойственного европейской философской традиции, преодоление пропасти между трансцендентальным и реальным. Похоже, что Я как точка сборки

²⁹ Свобода и смысл.

³⁰ Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика. СПб, 2000.

³¹ Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб, 2002. Эта работа появилась почти за год до известной работы Ф.Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее», и посвящена не только и не столько достижениям медицины и техники, сколько именно метафизике нравственности. См. также: Постчеловеческая персонология // Дарвинизм и Ницше: сквозь призму XX века. СПб, 2000, с.19-22; Самосознание и постчеловеческая персонология. // Проблемы сознания и ноосферы в отечественной и зарубежной философии XX в. Часть 1. Иваново, 2000, с.13-18; Гендер и рациональность: перспективы постчеловеческой персонологии // Онтология возможных миров. СПб, 2001, с.135-152; Глубокая семиотика и постчеловеческая персонология: новый сдвиг гуманитарной парадигмы. // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. СПб, 2002, с.6-13; Постчеловеческая персонология и социальность // Управление как персонализация социального. СПб, 2003, 38-52; Гендер и самосознание: перспективы постчеловеческой персонологии. // Мужское и женское в культуре. СПб, 2005, с. 50-53.

ответственности и есть грядущие метаморфозы и открытия нравственности, предвестником которых является постмодернизм.

И не так уж важно - как назвать новый синтез: постчеловеческая персонология, синергетика, семиодинамика или глубокая семиотика. Имя будет найдено. Новые аттракторы уже действуют.

Содержание гуманитарности выстраивается в несколько уровней:

- (I) Социальная, политическая, экономическая, природная инфраструктура, обеспечивающая сохранение и развитие конкретных культур.
- (II) Культура (точнее, культуры: национальные, этнические, возрастные, профессиональные и т.д.) – система порождения, сохранения и трансляции социального опыта, освоение которой обеспечивает социализацию и индивидуализацию личности.
- (III) Антропологический уровень – человек как представитель определенного биологического вида – психосоматическая основа личности.
- (IV) Персонологический уровень – личность, границы которой (временные и пространственные) определяются и задают границы свободы как ответственности.
- (V) Метафизический уровень свободы и ответственности, задающих суть, ядро гуманитарности.

Из этой системы ценностей следуют некоторые особенности гуманитарной парадигмы и соответствующих видов гуманитарной экспертизы, а также вектор сдвига гуманитарной парадигмы.³² Прежде всего, очевидна несостоятельность «центризмов»: экономико-, политико-, культуро-, антропо-, персоно-, лого-. Наиболее очевидны ограниченность и несостоятельность чисто экономического, политического и т.д. подходов, чреватых серьезными, если не катастрофическими издержками. Последние российские реформы – убедительный тому пример. Но не менее опасно и ограничение культуральными критериями. Каждый народ и каждый этнос

³² Постмодернизм, персонология и перспективы новой гуманитарной парадигмы // Философия XX века: школы и концепции. СПб, 2000, с.217-219; Глубокая семиотика и постчеловеческая персонология: новый сдвиг гуманитарной парадигмы. // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов: Международный ежегодник. Вып. XVII. СПбТУ, 2002, с.6-13.

имеет право на реализацию базовых ценностей культуры, с которой он себя идентифицирует, на доступ к культурно-историческому наследию. Однако самодостаточность отдельных культур очень часто оборачивается изоляционизмом, нетерпимостью к иным культурам и их носителям, а то и шовинизмом. И хорошо известно, что национализм чаще всего выпестовывается в среде гуманитарной интеллигенции.

Менее очевидна, а значит – нетривиальна и важна ограниченность самооценности человека. Человек – это не всегда хорошо и не всегда самоценно. Лозунгом «Все во имя человека, все для блага человека!» могут оправдываться самые страшные злодеяния и самозванство – делание других счастливыми помимо и вопреки их воле. Не менее опасна и ограниченность персонализма, чреватая эгоцентризмом. За человеком – существом, в общем-то, амбивалентным, надо видеть главное, носителем чего он выступает – свободу. Покушение на свободу всегда, так или иначе, оказывается покушением на бытие, ничтожит его. Серьезной заслугой постмодернизма является демонстрация несостоятельности и тупика культуроцентризма, раскультуривание современной культуры, перенасыщенной культурой, когда сама культура становится предметом игрового манипулирования и обесмысливается.³³ Современные телесные практики в науке, медицине, искусстве, обыденном опыте открывают несущественность антропоморфности. Это «расчеловечивание» открывает важность пост-человечности, позволяя за тремя соснами увидеть лес и путь в нем.

Выявленную динамику подтверждает динамика мирового права – формализованной части нормативно-ценностного содержания культуры, нравственности. От экономики, политики право в мировом масштабе шагнуло в обеспечение гарантий национально-этнической культуры. Затем – к приоритету прав человека, личности. Похоже, назревает следующий шаг – к сердцевине гуманитарности: гарантиях свободы доличностного уровня.

³³ Слово и тело постмодернизма; The Word and Body of Postmodernism: From the Phenomenology of Irresponsibility to the Metaphysics of Freedom. // The Russian Studies for Philosophy. Winter 2003-2004. Vol. 42 (3), p.5-35.

Проблемы аборт и использования геной инженерии, клонирования и т.п. связаны с правовой защитой еще не сформированной личности, некоей ее возможности личности.

Настала пора четкого различения понятий гуманизма и гуманитарности, включая в последнюю и постчеловеческую персонологию. Гуманизму, похоже, место рядом с экономизмом и национализмом – формами ограниченной гуманитарности.³⁴ Гуманитарность же предстает персонологией свободного духа. И если гуманитаристика – наука, то это *Geistwissenschaften*. В буквальном смысле. Проявления духовного универсальны и едины – каждый носитель сознания является носителем трансцендентального субъекта.³⁵ И если условием science является единство природы, дающее основание универсальности открываемых научных законов, то возможность гуманитарного знания основана на единстве и универсальности духа.

Постижение человеком мира – попытки конечного существа понять бесконечное - всегда осуществляется с какой-то позиции, точки зрения, всегда герменевтично, всегда интерпретация. Гуманитарность неизбежна с точки зрения личностной, базовых ценностей какой-то культуры или субкультуры. Поэтому тем более оказывается важным согласование (гармонизация, оптимизация) различных позиций и критериев. А это, в свою очередь, возможно, только при условии признания абсолютного и внебытийного критерия – свободы и условий ее реализации. Свобода – инорациональность ответственности в гармоничном целом мира. Источник всего разнообразия современного единого мира (единого в своем разнообразии и разнообразного в своем единстве) коренится в сердце души каждой уникальной личности. И в этих глубинах бытия нет зла.

³⁴ Современная гуманитарная парадигма: гуманитарность против гуманизма? // Науки о человеке в современном мире. Часть 1. СПб, 2002, с.129-135; // Философская и правовая мысль. Вып. 4., 2002, с.232-238; // Вестник СПб Государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. 2004, № 1(2), с.6-11; Постгуманизм и личность. Лиминальность человека, гуманизма и гуманитарности. // 2 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. М., 2004, с.5-18;

³⁵ Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы // *Comprehensio*. Четвертые Шпетовские чтения. Томск, 2003, с.70-80.

В развитие философии поступка как метафизики свободы и ответственности на материале исторического и обыденного опыта была сформулирована и обоснована проблема самозванства как антитезы призвания и святости, как главного источника невменяемости, безответственности.³⁶ Самозванец – человек, который делает других счастливыми помимо, а то и вопреки их воле. С моей точки зрения, безнравственна та личность, которая руководствуется по отношению к другим представлениями о собственной чести и достоинстве. И безнравственно общество, руководствующееся по отношению к личности представлениями о ее долге. И наоборот: нравственна та личность, которая руководствуется по отношению к другим представлениями о ее долге, и нравственно то общество, которое руководствуется по отношению к личности представлениями о ее чести и достоинстве. Иначе говоря, долг не извне вовнутрь, а изнутри вовне, а честь и достоинство – не изнутри вовне, а внешне социальная оценка личности.

На этой основе мною совместно с рядом коллег-психологов была предложена методология гуманитарной экспертизы, разработан ряд организационных и методических документов.³⁷

Культура, общество

Комплекс рассматриваемых проблем все более распространялся на общество, динамику современной культуры, особенно – в российской истории и современности. Примером может служить идея социальных сил и перехода в социологии от рассмотрения социальных структур к динамике, во многом аналогичный переходу от рассмотрения скалярных величин к

³⁶Испытание именем или Свобода и самозванство. СПб, 1994; Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб, 1996; О чистой совести и бессмысленности обоих ее смыслов //Философская и социологическая мысль. 1995, № ¾. 1995, с.215-218; Успех: призвание и самозванство // Этика успеха. Вып. 4/95. Москва. 1995. с.36-44; Самозванство и демократия //Русский журнал. www.russ.ru, 08.04.98.

³⁷ Новый сдвиг гуманитарной парадигмы и гуманитарная экспертиза. // Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Философия и будущее цивилизации. Т.3. М., 2005, с.413-414; К системной методологии комплексной гуманитарной экспертизы. // Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии. Ярославль. 2005, с.89-110. (Соавт.); Гуманитарная экспертиза как социальная технология. // Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности. М., 2006. с.10-29.

векторному подходу.³⁸ Или – выявленные факторы динамики художественной культуры, обуславливающие выход на лидирующие позиции того или иного вида искусства.³⁹

В большой серии работ, толчком к написанию которых стал доклад на семинаре в Нарва-Йэсуу в 1989 году, были рассмотрены источники, ценностно-смысловое содержание, динамика, перспективы российско-советского духовного опыта. Фактически, речь идет о «мировоззренческих раскопках» с поисками корней, а также прослеживанием перспектив этого опыта.⁴⁰ Систематически рассмотрена российско-советская-постсоветская философская культура, ее содержание, эволюция, персоны и институционализации.⁴¹ Было выявлено несколько направлений философствования, оформившихся к концу 1960-х и ставших впоследствии источниками дальнейшей динамики. Каждое из этих направлений имело

³⁸ Классы, нации или социальные силы (Об инорациональности общественного развития) // Социальная философия и философия истории: открытое общество и культура. СПб, 1994. с.92-96; Социальные силы и гражданское общество. (От статико-классификационного к динамико-синергетическому пониманию общественной жизни.) // Роль фундаментальных социологических исследований в преподавании гуманитарных дисциплин и становлении в России гражданского общества. СПб, 1999, с.119-122.

³⁹ Факторы динамики художественной культуры. // Советское искусствознание. Вып.19/83, вып.2). М., 1985, с.220-248; When the wind blows // A Dangerous Class. Scotland and St.Petersburg: Life on the Margin. Glasgow, 1998, p.122-126; When the wind blows, or Under the Cold Light of Freedom // Beyond Borders. Magazine of the European Cultural Foundation. 2003, No. 4 (June), p.38-40.

⁴⁰ Ценность целостности и целостность ценности: три источника и три составные части сталинизма. // Наука и ценности. Л., 1990, с.88-96; Безответственная нетерпимость. Феноменология и судьба советского духа. // Нева. 1991. № 5, с.145-157; Culture and Mythocracy. // Re-Entering the Sign: New Critical Languages in the Soviet Union. Bowling Green, 1991; Меланхолия понимания. // Звезда. 1991. № 10, с.176-170; Свобода и собственность // Русская философия собственности (XVIII-XXвв.). СПб, 1993, с.441-452; Постмодерн и российско-советский духовный опыт // Silentium. Философско-художественный альманах. Вып.3. СПб, 1996, с.535-544; // Искусство и современность. СПб, 1998, с.10-11; Об одной ошибке русской философии // Вопросы философии. 1995.№3. с.83-94; Российский духовный опыт и проблема успеха // Этика успеха. Вып.3/94. Москва. с. 19-26; О М.Вебере, аскезе и организованной преступности. (Коллективизм как необходимый фактор успешной модернизации). // Философия и цивилизация. СПб, 1997, с.160-163; Российский потенциал свободы // Вопросы философии. 1997, № 3, с.16-30; Новые российские перспективы утилитаризма: этика бизнеса в современной России // Наука о морали. Дж.Бентам и Россия. СПб, 1999, с.252-272; Этика бизнеса в современной России // Оправдание морали. М. 2000, с.167-194; Утопизм и апофатизм, трансцендирование и толерантность // Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. СПб, 2000, с.151-158; Драйв трансцендентного. Российский духовный опыт: апофатика как потенцирование бытия // Мост. 2000, № 40, с.58-60.

⁴¹ Философская мысль и хозрасчет // Вечерний Ленинград. 1988. 01.08.; Легко ли быть философом? // Какая философия нам нужна? Размышления о философии и духовных проблемах нашего общества. Л., 1990, с.34-53; Диалог и демократия: ситуация свободы и ситуация воли. // Человек в мире диалога. Л., 1990, с.290-291; Культурология (Философия и теория культуры) // Мир человека. 1994. №4. с.89-94; Культурология: от видения к вИдению. // Культурология как она есть и какой ей быть. Межд. чтения по теории, истории и философии культуры. Вып.5. СПб, 1998, с.204-214; От инвентаризации к системе. // Структура философского знания и его эволюция в течение XX в. в России. СПб, 1996, с.4-5; Петербургская философия или философия Санкт-Петербурга? // Петербургская философия как феномен российской духовности. СПб, 1998, с.121-122.

свою социальную базу, среду философствования (официозная идеология, гуманитария, естествознание и техника, религиозный официоз, андерграунд). Во-первых, это марксизм, точнее - марксизм-ленинизм: официальная доктрина, насаждавшаяся системой образования, идеологией, культурно-просветительной работой, СМИ. Культивировалась она профессиональной средой, прежде всего - “профессиональных философов” (сотрудников философских кафедр вузов и нескольких академических НИИ). Но уже тогда в этой среде созрели философические альтернативы (культурология, логика и методология - прежде всего). И дальше все эти ветви резко разошлись концептуально и организационно.

Во-вторых, это религиозная философия: как ортодоксия официальная и неофициальная, так и религиозная философия в параллельной культуре - от буддизма, индуизма, даосизма до New Age и духовных практик мексиканских племен яки (нагуа). В-третьих, “семиология”. Название не очень удачно. Речь идет о шпетовско-бахтинско-лосевской-структуралистско-московско-тартусской традиции гуманитарного философствования с явно выраженной озабоченностью проблемой языка. Большей частью это было философствование гуманитарной интеллектуальной среды, связанное с осмыслением художественного творчества, поэтики. В-четвертых, - “рационализм” - тоже название достаточно условное. Речь идет о философствовании математиков и естественников по преимуществу, осознавшем свою альтернативность официозу. Энергичный диалог двух последних субкультур во многом определил известное противостояние “лириков” и “физиков” в общественном сознании 1960-х, выразив осознание каждой из них собственной самостоятельности и самодостаточности как мировоззрения.

Эти четыре основных поля философствования определили дальнейшую динамику отечественной философской мысли: религиозная философия дала векторы к ортодоксальной религиозности, национализму и постструктурализму; марксистско-ленинский философский официоз - к

коммунофундаментализму, национализму, культурологии и логико-методологии; “семиология” - к культурологии, семиотике (в отличие от “семиологии”, более формализованному анализу знаков и знаковых структур) и постструктурализму; рационализм диверсифицировался в логико-методологию и персонализм. Речь идет, таким образом о векторах развития исходных четырех полей философствования 1950-1960-х к нынешним восьми: религиозной философии (духовному опыту), культурологии, семиотике, постструктурализму, логике-методологии (философии науки), персонализму, национализму и коммунофундаментализму.⁴² Этой “предысторией” во многом объясняется специфика пост-советской философской ситуации и структуры философского знания в современной России.

Во-первых, это явный приоритет культурологической тематики в семиотическом и структуралистском исполнении. Очевидно, свою роль сыграли неангажированность идеологией, имидж профессионализма и своеобразного эзотеризма, свойственные этим направлениям философской мысли в советское время. Во-вторых, это увлечение постмодернистской стилистикой философствования с присущими ей концептуальной и жанровой “всеядностью”, необязательностью и малой вменяемостью. Думается, что после краха Большой Идеологии такой этап был даже по-своему неизбежен. Сказалась и близость постструктуралистской ментальности традиционной семиотике, герменевтике и культурологии, а самое главное – общей апофатичности российско-советского духовного опыта. В-третьих, это поразительная индифферентность отечественной философии к неофрейдизму, собственно аналитической философии (в отличие от логического эмпиризма), герменевтической онтологии (проблема понимания в отечественной философии была понята почти исключительно гносеологически), к экзистенциализму с его проблемой экзистенции как свободы. В-четвертых, это “тусовочный” характер структурирования

⁴² Философская культура России 1970-1990-х. // История философии как философия. Часть 1. СПб, 2003, с.278-295.

философской жизни и текстов - не по областям знания, а в силу других факторов (поколенческих, по ключевым словам и т.п.). Являясь обязательным условием саморазвития и естественной динамики любого знания, со временем они образуют устойчивые институциональные структуры отечественной философии, а значит и систематизацию философского знания. Примерами такой самоорганизации философской культуры могут служить философский клуб СИЗИФ (Союз искусства, знания и философии), действовавший в Санкт-Петербурге в 1990-1992 годах, Философская Академия 1992-1994 годов, издательская группа и журнал «Ступени», исследовательский центр «Эйдос», институционализировавшийся первоначально при Питерском Союзе ученых, а затем как филиал московского Института культурологии, Лаборатория метафизических исследований, Метафизическое общество и т.д.

Отдельно рассмотрены персоналии ключевых, на мой взгляд, фигур отечественной философии: П.Я. Чаадаева, братьев Бахтиных.⁴³ В начале 1990-х в «Философской и социологической мысли» мною была открыта рубрика «Уголок живого философа», посвященная современным отечественным философам.⁴⁴

Серия работ была посвящена Санкт-Петербургу и его месту в российской культуре. СПб рассматривается в них как «пиарбург» - «демоверсия» петровских реформ, как город-инноватор России.⁴⁵ Система выявленных градообразующих метафор-образов города легла в обоснование

⁴³ Чаадаев и российская культура: об одной ошибке русской философии // П.Я. Чаадаев и русская философия (К200-летию со дня рождения). М., 1994. с.5-7; Безответная любовь братьев Бахтиных к государству. Российская версия судьбы философа // Философия как судьба. Российский философ как социокультурный тип. СПб, 1999, с.222-230; Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты // Вопросы философии. 2000. № 7, с.62-90.

⁴⁴ Индивидуальность. Региональность. Национальность (Заметки не о К.С.Пигрове) // Философская и социологическая мысль. 1993. No 1. с.160-169; Онтологический аргумент творения. (Валерий Карпунин - лучший философ среди художников, лучший художник среди философов). // Философская и социологическая мысль. 1994. No.1-2. с.224-239.

⁴⁵ Город-испытание // Бездна. «Я» на границе страха и абсурда. СПб, 1992, с. 154-159; // Согласие. 1993. No3, с.4-11; // Метафизика Петербурга. СПб. 1993. с.146-156; Петербург: город - утопия, город-эксцентрик, город-испытание // Слово и дело. 1993, No 11, с.4; Город-послание в поисках идентификации // Великое посольство – путь в Европу. История и перспективы российско-европейского сотрудничества. М., 1997, с.98-100; Санкт-Петербург: перспектива нереализованной утопии // Петербург на философской карте мира. СПб, 2002, с.8-13; Пиарбург, или Самореференция как обретение реальности. // Петербург на философской карте мира. Выпуск 2. СПб, 2003, с.87-89.

Стратегического плана развития СПб, ряд программ поддержки и развития культуры СПб.⁴⁶ Ценностно-смысловое содержание этих образов практически совпадает с ценностно-смысловым содержанием идеи европейскости, выявленной европейскими экспертами в докладе Совету Европы 1992 года. Это рациональность, права человека, мультикультурность, толерантность, вера в исторический прогресс. Таким образом, СПб – воплощенная идея имперской столицы – оказывается носителем европейского начала в российской культуре, а город-носитель имперской культуры парадоксальным образом – потенциалом открытого общества.⁴⁷ Показательно, что и авторы европейского доклада возводили этот ценностно-смысловой комплекс к Римской империи, Священной Римской империи, империи Наполеона и имперской экспансии европейских стран в Азию, Африку и Америку. Эти идеи легли в основу работ, в которых раскрывается роль и значение имперской культуры культур как потенциала и ресурса либерализма, демократии и толерантности,⁴⁸ природа либерализма как идеологии и политической технологии «холодного» стабильного общества, сменяемой в «горячей» стадии общественной трансформации консолидирующим трансцендентализмом.⁴⁹

«Обобщающая социальная тенденция» привела к тому, что в последнее время мое внимание во все большей степени привлекают темы массовой культуры и глобализации, цивилизационного выбора. По моему мнению, глобализация не только и не столько нивелирует и усредняет, сколько дает новые, дополнительные измерения развития – как социального, так и

⁴⁶ Санкт-Петербург: проблема идентификации и приоритеты развития (В поисках фундаментального образа). // Постскриптум-пресс. 1998, № 5 (9), с.18-21; Образы великого города // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 6⁹98. СПб, 1998, с.139-147; Петербургское достоинство. В поисках новой петербургской идентичности (идеи). // Развитие Санкт-Петербурга. СПб, 1999, с.5-7.

⁴⁷ St.Petersburg Paradox: Post-Imperial Identity as Potentia for Open Society // VI the International Council for Central and East European Studies (ICCEES) World Congress. Abstracts. Tampere, 2000, p.437; Санкт-Петербург: колыбель трех с половиной российских персоналий. // Петербург на философской карте мира. Вып.3. СПб, 2004, с.8-17; Санкт-Петербург: постимперская культура как потенциал открытого общества. // Восточная Европа: Феномен Балтии. СПб, 2004, с.24-44.

⁴⁸ Имперская культура как потенциал свободы // Империя и либералы. СПб, 2001, с. 46-51; Имперская культура как потенциал свободы. // Вестник СПб государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. 2003, № 1, с.6-8.

⁴⁹ Свобода и смысл; Об одной ошибке русской философии // Звезда. 1994. №9. с.153-162; Проблема либерализма и эффективная социальная технология // Вопросы философии. 2002. № 7, с. 17-25.

личностного, давая современному человеку дополнительные возможности самореализации, дополнительную жизненную компетентность, создавая исключительные возможности реализации такого самоопределения – как национального, так и регионального, так и личностного. Потому что только уникальное глобально.⁵⁰ Важную роль в таком самоопределении играет культура, включая религиозно-мировоззренческие установки. В этой связи можно говорить не об одном проекте глобализации, а о нескольких, включая ислам.⁵¹

Что же касается массовой культуры, то она является закономерным развитием цивилизации, буквальной и полной реализацией проекта гуманизма Просвещения с его лозунгом «Все для человека, все на благо человека, все во имя человека» и «основного закона социализма» («все возрастающее удовлетворение все возрастающих потребностей»). Массовая культура, как образ жизни современной цивилизации, является порождением индустриализации, урбанизации, развития средств массовой коммуникации, в условиях рыночной экономики обеспечивающих эффективное массовое производство и массовое потребление.⁵² Она является чрезвычайно эффективным средством консолидации общества, реализуя комфортную среду обитания на основе ценностей личного счастья (здоровье, любовь, семья) и успеха (социальное признание, достаток). Массовая культура не

⁵⁰ Культурогенез в условиях глобализации. // Глобальное пространство культуры. СПб, 2005, с.167-170. Только уникальное глобально: культурогенез в условиях глобализации. // Семиозис и культура. Сыктывкар, 2005, с.18-22; Современные факторы культурогенеза. // Культурологические чтения. Научно-теоретический альманах. I. СПб, 2005, с.123-128; Вклад сферы культуры в развитие региона. // Проблемы управления организациями социальной сферы. СПб, 2002, с.39-43; Сингапур: персонализированный менеджмент успешного проекта нации // Управление: интеллект и субъективность. СПб, 2002, с.39-40; Глобализация, бизнес, регион. Особенности бизнеса в условиях глобализации и развитие Северо-Запада России // Россия. Планетарные процессы. СПб, 2002, с.536-566; Особенности бизнеса в условиях глобализации. // Мост. Личность. Общество. Государство. 2003, № 56, с.33-36; О федерализме. // Стратегия сотрудничества центра и регионов в решении проблем социально-экономического и культурного развития. Керчь, 2005, с.65-72 (а также в сети Интернет).

⁵¹ Цивилизационный выбор: рациональность и религия. // Человек.RU: Гуманитарный альманах. № 1. Новосибирск, 2005, с.83-111; // Отечественные традиции гуманитарного знания: история и современность. СПб, 2006, с.17-28.

⁵² Виртуальная культура // Нева. 2001. № 3, с.170-176; Массовая культура как реализация проекта Просвещения: американские и российские последствия. // Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть I. СПб, 2006, с. 179-206; Постинформационное общество: интегрально-сетевая коммуникация и глобальная персональность. // PR-технологии в современном обществе. СПб, 2004, с.39-41; Маркетизация гуманизма: российская специфика. // Управление и благополучие человека. СПб, 2006, с.45-76.

знает трансцендентных ценностей, она «уплощает» иерархию ценностей традиционного общества, превращая их «вертикаль» в «плоскость», на которой ценности превращаются в рубрикаторы соответствующих секторов потребительского рынка. Тем самым создаются условия для изощренного консьюмеризма и эффективного маркетинга массового потребления. Все и любые ценности – социальные и личностные – массовая культура приводит к общему знаменателю маркетизации. А артефакты массовой культуры возникают, формируются и развиваются как рыночные бренды. Средствами противостояния этой объективной «игре на понижение» являются гражданское общество, структурирующее это «плоское социальное пространство, полноценная элита, задающая нравственные, интеллектуальные и художественные образцы, а также внятная система приоритетов культурной политики. В этой связи в совершенно новом контексте предстает развитие российского общества в XX столетии, а также становятся очевидными реальные причины нынешнего состояния российского общества.

Социальное управление и менеджмент

Большинство перечисленных проблем – сошлись на этой тематической «поляне». С учетом роли культуры и социальных коммуникаций была разработана модель системы механизмом менеджмента, обеспечивающая его целостность и эффективность, выявлены этапы эволюции современного менеджмента и его социальные функции – вплоть до нравственных, предложена методика оценки эффективности корпоративных социальных коммуникаций,⁵³ корпоративной социальной ответственности и социально-ответственного партнерства,⁵⁴ обосновано представление о бренде (и развитая соответствующая технология брендинга) как социальном мифе и способе

⁵³ Например, см.: Серия «PR: культура деловых коммуникаций. Как это делать в России». СПб, 2005-2006; Система механизмов современного менеджмента и эволюция бизнеса), //Управление: социально-философские проблемы методологии и практики. СПб, 2005, с. 237-279; Культура фирмы. СПб, 2006.

⁵⁴ Бизнес и общество: выгодное партнерство. М., 2006; Бизнес в России. Проблема социального признания и уважения. М., 2006.

существования артефактов массовой культуры, как интеграторе бизнес-процессов в современных условиях.⁵⁵

Полагаю, что в наше время философу невозможно ограничиваться выражением своих взглядов и идей только в научной и академической форме. Поэтому периодически выступаю с публицистикой в средствах массовой информации – в прессе на радио и телевидении.

Одно из моих давних и принципиальных убеждений относительно природы и способов существования философии и философов – различение собственно философов, тех, кто философствует, и преподавателей философии, делящихся радостью узнавания чужого философствования. Парадокс заключается в том, что профессиональной философией считается второе, тогда как первично и существенно первое, а реализовываться оно – философствование – может где угодно, в каком угодно жизненном материале, а отнюдь не только в учебных аудиториях или на профессиональных философических конференциях.⁵⁶ Более того, не секрет, что «профессиональная» философия всегда и везде получала импульсы интеллектуального и духовного поиска извне. В отечественной мысли давно уже сложилась традиция «нефилософской философии». Такие глубокие отечественные мыслители XX столетия, как С.С.Аверинцев, М.М.Бахтин, В.И.Вернадский, Л.Н.Гумилев, Д.С.Лихачев, Ю.М.Лотман, А.А.Любищев, Б.Ф.Поршнева, С.С.Хоружий, В.Б.Шкловский – не профессиональные философы. Их философствование, осуществлявшееся и осуществляемое за рамками, а зачастую и вопреки философскому официозу, входит в ткань духовной жизни общества, определяя и содержание концептуализаций профессиональных философов. Активное и интенсивное философствование всегда было свойственно не только гуманитариям, но и специалистам-естественникам. Альтернативный духовный поиск пронизывал и пронизывает среду художественной, научно-технической интеллигенции,

⁵⁵ Бренд-интегрированный менеджмент. М., 2006; Бренддинг как PR-технология. СПб, 2006.

⁵⁶ Тульчинский Г.Л. К живому философствованию. // Энергия понимания. Л., 1990, с.184-194; // Философская и социологическая мысль. 1991, № 3, с.123-128..

интеллектуалов. Титульные и культовые для нынешнего понимания российской философии фигуры - П.Я. Чаадаев, ранние славянофилы, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, Л.Шестов, В.В. Розанов, Вяч.Иванов, П.А.Флоренский, П.Савицкий и др. - не являлись философами ни по специальной подготовке, ни по официальному статусу и роду занятий. В.Соловьев был отстранен от университетской кафедры. А такие ключевые для понимания русской мысли фигуры как Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой? Можно сказать, что типологической закономерностью развития российской философии - философская канонизация нефилософского философствования. Такая тенденция характерна не только для российской, но и для всей мировой философской культуры. От философии Возрождения и Нового времени до наших дней в динамике философской мысли нередко ключевую роль играли отнюдь не профессиональные философы, и сама эта динамика зачастую реализовывалась на основе противопоставления и противостояния философии как таковой: Ф.Бэкон, позитивизм, З.Фрейд, Ж.Деррида - только первые пришедшие на ум фигуранты и направления. Живое философствование всегда получало и получает мощный импульс развития из-за пределов собственно философской культуры.⁵⁷

Исходящая с вузовских кафедр и из тиши академических кабинетов философская мысль не оказывает серьезного воздействия на общество. Речь идет не только и не столько об иронически-терпеливом отношении к преподаванию философии - такое отношение к преподаваемым дисциплинам вообще характерно для школьно-студенческой среды. Важнее другое - явная преувеличенность слухов о непосредственном влиянии «профессиональной» философии на умы. Этот вывод убедительно подтверждается в наши дни, когда явно и довольно остро ощущается голод по внешкольной, неакадемической философии, по независимому и честному суждению. Параллельно интенсивный духовный поиск способствовал росту активного интереса к истории философии (особенно - отечественной), идеям

⁵⁷ Философия. Курс для сдачи кандидатского экзамена // История идей как методология гуманитарных исследований. Программы спецкурсов. СПб, 2001, с.279-325. (совм. с С.С.Гусевым).

современной зарубежной философии. И опять же, ищущий «любитель» не всегда находит искомое у «профессионала».

Поэтому в 1988-1991 годах я был одним из создателей и руководителей философского клуба СИЗИФ (Союз Искусств, Знания и Философии),⁵⁸ продолжением которого стали Свободная Философская Академия и гуманитарно-творческая ассоциация «Живая культура», в рамках которых была реализована идея самоорганизации и развития сообщества «профессиональных» и «непрофессиональных» философов. СИЗИФ, Академия, «Живая культура» проводили семинары, конференции, курсы (в том числе – платные), на которые собиралось довольно много слушателей, вели издательскую деятельность. Эта деятельность содействовала становлению и профессиональному росту ряда оригинальных и сильных авторов и мыслителей (С.С.Герасимов, А.Г.Черняков, Н.В.Постолова), организаторов в сфере науки и образования (Л.М.Морева, Н.А.Печерская).

Обобщением собственного участия в этом процессе стала серия публикаций о способах философствования.⁵⁹ Полагаю, что философия – не единая, строго упорядоченная система. Философские концепции и способы философствования образуют сложные цепочки и плетения. При этом они могут не иметь никаких непосредственных связей с другими, или иметь сложно опосредованные переходы к ним. Например, непосредственный переход от позитивизма к экзистенциалистскому философствованию без опосредующей роли феноменологии практически невозможен. Очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга – ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Однако все вместе, в своей целостности они образуют прочную и всюду плотную ткань

⁵⁸ Тульчинский Г.Л. Еще прижизненные записки одного философского клуба. //Ступени. 1991. № 1, с.194-212

⁵⁹ Тульчинский Г.Л.: Ностальгия о методе... Очередной разговор в доме повешенного о веревке // Скромное очарование позитивизма (Позитивизм и его альтернативы в современной философии). СПб, 1996. с.59-61; Исповедь: бытие под взглядом, или Философический эксгибиционизм. //Метафизика исповеди. - СПб, 1997, с.39-44; Жуть и Путь, или Опыт обыденного философствования. //Фигуры Танатоса: Искусство умирания. СПб, 1998, с.152-167; О метафизичивании науки. (Способы философствования и наука). // Между физикой и метафизикой. СПб, 1998, с.151-167; Философствование как самодеятельность, или Персонологическая природа философии. // Феномен самодеятельного философствования. СПб, 2005, с.99-103.

философствования, покрывающую (или пронизывающую) все сферы жизнедеятельности. При всем разнообразии своих форм философия - на редкость целостная нормативно-ценностная система, если только понятие целостности применимо к универсуму вообще, к полноте мира и жизни человека. Философия - универсальное, предельное, если не за-предельное осмысление, что выражается в характере ее традиционных вопросов: какова природа действительности, что представляет собой реальность самой реальности? что такое человек? что происходит в момент смерти? почему вообще возможно познание и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно? в чем смысл человеческой истории? Философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный мир. Из этого следует, что философия – несмотря на самые наукообразные и рациональные формы возможного философского осмысления – в принципе не является и не может быть наукой (science). В отличие от науки, философия предполагает не столько некую социальную конвенцию, сколько установку на индивидуально неповторимое осмысление действительности. Философ всегда (и прежде всего) – личность, занимающая собственную неповторимую позицию. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому архетипичной фигурой философа на все времена стал Сократ, а для отечественной философии - П.Я. Чаадаев.

Философствование, как самоопределение, в конечном счете, есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. Ее привлекательность лежит в самой природе самооправдательных возможностей философской рефлексии. Философствование располагает богатым спектром выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости. Это подтверждается богатством жанров философствования: от паремий и афористики, через «сюжетное» философствование (притчи, басни, диалоги, новеллы, повести и даже романы) до рационалистически упакованных «систем» в духе Спинозы или Гегеля. И это только вербальные жанры. Опыт

показывает, что существует и философствование, реализуемое с помощью иконических знаков - схем, рисунков, изображений. Существует «поступочная» философия - как способ философствования, выражающийся непосредственно в образе жизни, поведении. Систематической попыткой осмысления личного обыденного опыта стала книга «Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации», ставшая серьезным испытанием для моих близких и меня самого.⁶⁰

По моему глубокому убеждению, преподавание философии должно быть перенесено из вузов в среднюю школу. В возрасте 13-16 подростки только-только вступающие в самосознание проявляют живейший интерес к философии, поскольку их остро интересуют упоминавшиеся смысложизненные вопросы. В вузе этот интерес уже пропадает, молодой человек уже втянут в жизненную гонку: надо осваивать профессию, создавать семью... В этой ситуации философия воспринимается как что-то ненужное, как далекие от реальной жизни разговоры на «птичьем языке». Философию, а скорее – историю философии надо преподавать только на гуманитарных факультетах. Кроме того, философию нельзя преподавать как «ответы на все случаи жизни» - это должен быть опыт философствования, опыт самостоятельной постановки вопросов и поисков ответов. Именно в таком ключе был решен проект учебного комплекса преподавания философии в средней школе, в котором я принял активное участие.⁶¹

Отельную и довольно важную роль в систематизации философского знания играют словари. Помимо достаточно традиционных словарей,⁶² я принял участие (в качестве соредатора и одного из авторов) в

⁶⁰ Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб, 2007.

⁶¹ Начала философии. Кн.1. Учебник для старших классов общеобразовательных школ; Кн. 2. Методическое пособие. Программа и методические рекомендации; Кн.3. Хрестоматия (для учащихся средней школы). СПб, 2001; Проблемы духовности и гуманитаризации в образовании и социальной жизни // Качество жизни человека в контексте развития современного образования. Университетский вестник. Выпуск 2. СПб, 2002, с.25-42; // Философская антропология и философия культуры. Харьков, 2002, с.3-15.

⁶² Школьный философский словарь. М., 1995; Российский гуманитарный словарь. В трех томах. I/ А-Ж; II/З-П; III/П-Я. М.-СПб, 2002.

уникальном проекте.⁶³ Речь идет о словаре принципиально нового типа. Он содержит свыше 160 терминов, которые либо впервые предлагаются для употребления, либо наполняются существенно иным понятийным содержанием. Словарь не регистрирует, а предвосхищает, потенцирует, проектирует будущие дискурсивные тенденции в развитии современной философии, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей.

e-mail: toulch@gt1263.spb.edu

Тел: +7921 346 9351

Основные работы Г.Л.Тульчинского:

Проблема понимания в философии. М.: Политиздат, 1985 - 191 с.; Проблема осмысления действительности. Л.: ЛГУ, 1986 - 177 с.; Разум, воля, успех. О философии поступка. Л.: 1990 - 230 с.; Испытание именем или свобода и самозванство. СПб: Петрополь, 1994 - 70 с.; Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб: РХГИ, 1996 - 413 с.; Технология менеджмента в сфере культуры. СПб: ГУКИ, 1996 - 192 с.; Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. (Российские исследования в гуманитарных науках. Том 16). The Edwin Mellen Press. Lewiston-Queenston-Lampeter. 2001. - xvi + 462 p; Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб: Алетейя, 2002. – 677 с.; Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. / Под ред. Г.Л.Тульчинского и М.Н.Эпштейна. СПб: Алетейя, 2003. – 512 с.; Тело свободы. СПб: Алетейя, 2006; Бизнес в России: проблема признания и уважения. М.: Вершина. 2006; Маркетизация гуманизма. СПб, 2006; Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб, 2007.

О Г.Л.Тульчинском см. также:

Философы России XIX-XX столетий (биографии, идеи, труды). М., 1993 (переизд. 2002), с.188; Логика: библиографический словарь. СПб, 2001; Только уникальное глобально. Сб. статей, посвященных 60-летию проф. Г.Л.Тульчинского. СПб, 2007.

⁶³ Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. / Под ред. Г.Л.Тульчинского и М.Н.Эпштейна. СПб, 2003.